

Наша теоретическая оптика не позволяет видеть некоторые аспекты реальности

А.Л. Андреев, доктор философских наук

Доклад мне тоже понравился; в нем я обнаружил ряд идей и мыслей, которые, на мой взгляд, адекватно отражают то, что происходит. В частности, не умозрительно и не только исторически, но и конкретно, из социологического анализа можно проследить существование в российском социуме ряда определенных сквозных ценностей, сквозных идей. Я не знаю, как это было на протяжении всей русской истории (в частности, не рискнул бы, как автор, возводить все к Ивану III), но, во всяком случае, на протяжении последних 200–300 лет эти идеи прослеживаются достаточно четко.

Буквально на днях состоялась презентация большого социологического исследования, в котором я тоже участвовал. Исследование посвящено российской идентичности. У нашего научного коллектива была возможность провести сопоставления — конечно, не такие дальние, но на протяжении, по крайней мере, последнего десятилетия. И я могу сказать: эти сквозные ценности, которые почти не зависят от социального положения человека, в полученных нами данных очень заметны. Скажем, то что ключевые отрасли промышленности, образование, медицина в общем и целом должны быть государственными — это никаких сомнений не вызывает не только у людей, которые принадлежат сегодня к социально обездоленным слоям и которые могли бы на этом выиграть. Между прочим, так же думают и состоятельные люди, принадлежащие к числу преуспевающих сегодня предприни-

А.Л. Андреев. Наша теоретическая оптика не позволяет видеть некоторые аспекты...

мателей. Там доля сторонников такого подхода, правда, несколько понижается, но все равно это больше 70%.

Недра и природные богатства — это все государству, это нельзя отдавать в частные руки. Никакой приватизации лесов и природных угодий население, в том числе и состоятельная его часть, не принимает. Конечно, генезис этого явления можно проследить очень далеко вглубь истории. Характерен в этом отношении провал столыпинской аграрной реформы и ее идеологии. Когда летом 1917 г. проходил крестьянский съезд, крестьяне в массе своей высказались за возвращение к общине. В том числе, и даже в первую очередь, это касается состоятельных крестьян, которые были в деревне лидерами мнений. Это ведь не бедняки навязали, и это еще не большевистская эпоха была.

Правильно здесь было сказано: ключевой для нас является идея справедливости, причем в основе своей — трудовой справедливости. Деньги нельзя делать из воздуха — например, с помощью игры на курсах валют. Это не англо-саксонское представление о богатстве; в России такое богатство нелегитимно, оно не принимается. Но отмечу: русский народ, и вообще россияне, в целом, вопреки расхожим мифам, не настроены уравнительно. Это одно из глубоких заблуждений — никаких уравнительных настроений в обществе нет. Другое дело, что это неравенство должно быть соответствующим образом оправдано. Оно оправдывается своими личными усилиями, заслугами перед «всемирным», а не просто способностью хорошо чувствовать кросс-валютные курсы, к примеру.

Это правильно, такие сквозные идеи существуют, они постоянно воспроизводятся. Одной из сквозных идей является и идея целеполагающего государства. Государство в российской традиции должно заниматься генерированием смыслов. Это не значит, что общество тоже этим не занимается. Общество может это делать и делает. Но, в любом случае, не целеполагающее, не смыслополагающее государство отвергается, каковым было, например, государство Ельцина. Все его попытки генерировать какие-то идеи, которые совер-

шенно не резонировали с самосознанием населения и национальной традицией, начиная с середины 1990-х гг., отвергались несмотря ни на какую пропаганду в СМИ.

Что, как мне кажется, является в докладе слабым моментом — это то, что здесь не все идеологические пласты получили отражение. Речь шла исключительно о последовательно сформулированных политических идеологиях в узком смысле слова. Но в обществе существовали и другие «сквозные» идеи и идеологии. В частности, начиная, по крайней мере, с XVIII в., стержневой становится просветительская идея, идея распространения образования. Заметьте: ведь просветительские реформы попытались провести и в Турции, причем ненамного позже. В начале XVIII в. — в так называемую эпоху тюльпанов, потом — в царствование Селима III, который в конце XVIII в. чуть ли не прямо копировал Петра. Но это привело к совершенно иному результату, потому что другой была позиция населения и духовенства и их идеологические ориентиры.

Если проследить нашу историю, видно, как просветительская идея неуклонно овладевала обществом, проходя определенные ступени ускорения. И, в конце концов, образовательный запрос пошел снизу (80-е гг. XIX). И эта ставшая фактически общенациональной идея, получив поддержку снизу, создала очень мощный социальный порыв, результатом которого, в частности, стали в какой-то степени и события 1917 г.

Мы по старой привычке почему-то все ведем от государства, а собственно общественные идеи как бы игнорируем. А потом удивляемся, что общество у нас никак себя не проявляет, а все ждет инициативы от государства. И потому все время возвращаемся в круг предвзятых подходов, предложенных еще в позапрошлом веке. За этот круг основополагающих представлений, в принципе, и не выходим, а только их модифицируем. Наша теоретическая оптика не позволяет нам видеть некоторые аспекты реальности, и это обуславливает значительную односторонность взгляда на то, что происходит в России.

Возьмем, например, советскую модель общества. Как мы обычно характеризуем историю этих десятилетий? Прежде всего, в политико-идеологических аспектах, отражающих то, что пытались навязывать (и навязывали) сверху. Тут сразу же начинается разговор о тоталитаризме, сталинизме и т. д. Но исчерпывают ли эти разговоры то, каким было советское общество на самом деле? Сосредоточившись исключительно на импульсах сверху, мы с самого начала отвергаем возможность посмотреть на все глазами человека снизу, который решений, конечно, не принимал, но тоже влиял на происходящее уже самой массовидностью своих устремлений. А ведь для того, чтобы понять эти устремления отдельно — как от трескотни пропагандистского аппарата, так и от стереотипов историко-политологической мысли — есть уже некоторые заделы, отправные точки. Есть, например, замечательная книга Козловой (к сожалению, недавно безвременно ушедшей), где анализируются дневники, письма, записи обычных, малограмотных людей, которые в 20–30 гг. XX в. приехали в города. Они работали, строили, заводили семьи, шли на рабфаки учиться. Их личные документы чужды идеологизации, они писались для себя и дают представление о действительном духовном мире и массовой психологии. Там нет прославления партии, там люди наедине с собой. Они мечтают о сытном пайке, о хорошем пальто... Но, в то же время, там видно, как идея стать образованным человеком ими овладевает. И что же они в конце концов создали? Я так думаю, что не тоталитаризм и сталинизм. В процессе своей жизнедеятельности население создавало то, что можно было бы назвать обществом образования. Примерно к концу 1950-х — началу 1960-х гг. его контуры видны уже очень ясно. Любопытно сопоставить то, что у нас было в то время, с тем, что было за рубежом, где полным ходом создавалось нечто иное — общество потребления. Есть сравнительные исследования, в том числе работы Левады о 1960-х гг., где очень показательно расставлена система приоритетов: что говорят, к примеру, американские женщины о том, что они

считают важным для своих детей, и что думают по этому поводу советские женщины. Совершенно разные ориентации. У нас — образование, культура и т. д. Там, естественно, — процветание в бизнесе, стремление много путешествовать. И ведь это различие, несмотря ни на что, остается и сегодня.

Мы проводили подобное сопоставление с Германией. Правда, наши сравнительные данные относятся к 1999–2000 гг. Задавалось 100 понятий, которые описывают разные аспекты общественно-политической жизни, и зондировалась эмоциональная реакция на эти понятия у россиян и немцев. Разрыв между опросами в России и Германии — всего один год, это вполне сопоставимые данные. Я не буду обо всех понятиях говорить — о коммунизме, о вере, о молитве, об отношении к коммунизму и демократии и др. Но во всем ряду понятий, связанных с образованием, наукой, разумом, у нас получились значения на 20–30% более высокие, чем у немцев. У немцев даже позитивное отношение к философии оказалась, как ни странно, довольно низким: где-то у 46% опрошенных оно положительное, но большинство философию все же не любят. Конечно, это на уровне отчасти отрефлексированного самосознания, но мы знаем, что такие отрефлексированные представления проявляются и в социальном поведении. Попытка слома ценностей образования была в начале 1990-х гг.; и она чуть было не удалась, но в середине 90-х гг. началось наступление своего рода неоконсервативной волны, и общество стало возвращаться к тем установкам, которые были у него ранее. Конечно, к тому же самому в буквальном смысле вернуться нельзя, но, тем не менее, просветительские ценности снова, в контексте национальной традиции, зазвучали. Снова стали поступать в вузы — конечно, отчасти и по прагматическим соображениям, но, безусловно, не только по ним.

Мне кажется, что этот пласт социальной истории был бы очень существенен, если реально посмотреть на то, как все происходило. Общество образования в СССР есть продолжение того, что было начато еще в дореволюционной России.

И, вместе с тем, это некая ранняя историческая модель того, что сегодня на Западе называют обществом знаний. Она возникла лет за 30 до нынешних проектов ЕС, особенно в лице социал-демократической его части. А мы, тем не менее, по привычке заученно твердим о догоняющем развитии. У меня лично, когда я читаю документы и декларации о европейском обществе знаний, создается такое ощущение, что я переносусь в Советский Союз начала 1960-х гг., во времена моей студенческой юности. Когда я сижу на семинаре, а мне немцы говорят, что это очень хорошо, когда, предположим, в школах есть самодеятельные театры, я вспоминаю, что у нас это все 40 лет назад уже было, а они только сейчас об этом подумали. Кстати, я думаю, что идея всемерного развития образования примирила бы у нас многих, независимо от национальностей, независимо от социальных установок.

Вопрос (В.Э. Багдасарян):

А образование ради чего? Целевая установка образования может быть различной...

А.Л. Андреев:

Да, она, конечно, менялась. Если посмотреть на сегодняшнего студента — он, безусловно, прагматик. Когда я учился, это было бескорыстное погружение в мир знаний. Конечно, современный студент мыслит прагматически, он все время помнит о целях материального благосостояния. Но его прагматизм и не чисто меркантилен, он включает в себя строительство личности. Мы пробовали со студентами этот вопрос проговаривать. Все-таки не только деньги, не только диплом — хочется быть человеком, достойным этого имени.

Реплика (В.Э. Багдасарян):

А это, соответственно, разные идеологические модели...

А.Л. Андреев:

Понимаете, в жизни они, на самом деле, пересекаются. Ведь это естественно, им и семью кормить тоже надо...